

Чэнь Пэн не ожидал, что генерал будет настолько прямолинеен, и тут же расплылся в довольной улыбке: Верно, генерал! Если вы позволите мне забрать его, я готов сделать для вас всё, что угодно.

Его сальные, полные похоти взгляды то и дело скользили по Шань Ли. Тот не понимал, что означают эти взоры, но на подсознательном уровне почувствовал опасность. Его тело задрожало, и в порыве страха первой мыслью стало бегство.

Однако Цинь Фэнъянь крепко сжал плечо Шань Ли. У того даже не хватило сил на сопротивление, когда Цинь Фэнъянь уже решил его судьбу.

Цинь Фэнъянь небрежно откинулся на спинку стула, подобно верховному судье — холодный и эгоистичный.

— Хорошо. Сегодня вечером слуги отведут тебя в его комнату.

Чэнь Пэн наконец явил на лице выражение полного удовлетворения.

— Премного благодарен, генерал.

...

В тот миг, когда лекарственный отвар обжег кожу, Шань Ли не заплакал, но сейчас слезы хлынули из его глаз.

Он не знал, что произойдет дальше, но на душе было невыносимо тоскливо и страшно. Вырвавшись из хватки Цинь Фэнъяня, он бросился бежать, сам не зная куда.

Добравшись до небольшой собачьей лазейки, он забился внутрь и замер, боясь пошевелиться.

Раньше, когда его били, он всегда искал узкое, тесное местечко, чтобы спрятаться. Ему было больно, он не мог сдержать слез, но те, кто его истязал, всё равно находили его по всхлипам.

Позже он стал умнее: как только хотелось плакать, он до крови кусал себя за руку, заглушая звуки. И лишь когда слезы иссякали, разжимал зубы, оставляя на коже кровавое месиво.

В этот раз он поступил так же.

Но почему-то сердце болело так сильно, что, как бы он ни кусал себя, он не мог перестать жалобно скулить.

В конце концов, его плач привлек внимание слуг, которые искали его по всему поместью.

Служанки и слуги, видя, в каком жалком состоянии он находится, не решились применить силу, а просто позвали генерала.

Генерал с бесстрастным лицом приказал: Встать.

Но Шань Ли продолжал безутешно рыдать, не обращая на него никакого внимания.

Слуги не понимали, почему дурачок, который раньше беспрекословно слушался генерала, теперь проявляет такое упорное сопротивление.

Лицо Цинь Фэнъяня становилось все мрачнее. Его кулаки сжались так сильно, что на лбу вздулись и запульсировали вены. Он невольно занес руку, собираясь ударить Шань Ли, но, взглянув на его искусанные в кровь руки, почувствовал, как сжалось сердце. В конечном счете, он не смог поднять на него руку.

Он поднял Шань Ли на руки, отнес в комнату и запер дверь. Отдав приказ слугам присматривать за ним, он направился в кабинет.

По пути он встретил Военного советника.

Советник, еще не протрезвевший, с тревогой поджидал генерала у дверей кабинета. Увидев Цинь Фэнъяня, он поспешно подошел и, не говоря ни слова, тяжело вздохнул.

— Эх.

— ...

Цинь Фэнъянь нахмурился: У советника есть дело?

Советник произнес: Генерал, вы действительно собираетесь отдать Шань Ли Чэнь Пэну? Вы же знаете, какие у него наклонности. С таким, как Шань Ли, он ведь не просто...

Не просто искалечит его до смерти?

Эту последнюю фразу советник не решился произнести вслух.

Рука Цинь Фэнъяня, тянувшаяся к двери, замерла. Взгляд его потемнел, а усмешка на губах выглядела пугающе холодной: Кажется, советник проявляет к делам Шань Ли особое рвение? Неужели у этого дурачка такая притягательность, что он умудрился одновременно соблазнить

и Чэнь Пэна, и вас?

Советник застыл, как вкопанный.

— Впрочем, если хочешь — забирай, будто это какая-то редкая диковинка.

Цинь Фэнъянь пренебрежительно усмехнулся.

Лицо советника помрачнело: Генерал, я лишь надеюсь, что в будущем вы не пожалеете о сегодняшнем поступке!

С этими словами советник ушел, оставив Цинь Фэнъяня одного в кабинете.

Тот просидел там весь остаток дня.

Чем ближе был вечер, тем труднее ему было сохранять спокойствие.

Цинь Фэнъянь почти не мог контролировать свои мысли, постоянно возвращаясь к Шань Ли.

Он не смел даже представлять, как того оскверняют.

Его кулаки сжимались. Пытаясь отвлечься, он хотел взять в руки трактат по военному искусству, но так и не смог сосредоточиться.

Внезапно Цинь Фэнъянь резко встал — он больше не мог терпеть.

Он со всех ног бросился к комнате Шань Ли. Стоило ему оказаться снаружи и услышать плач, как его глаза мгновенно налились кровью.

Он распахнул дверь и, увидев Чэнь Пэна, который уже приближался к Шань Ли с дурными намерениями, не раздумывая, сбил того с ног одним ударом ноги.

Чэнь Пэн опешил, а придя в себя, пришел в ярость: Кто посмел напасть на меня?!

Обернувшись, он встретился взглядом с ледяными, полными угрозы глазами и невольно содрогнулся.

— Вон!

Чэнь Пэн поспешно ретировался.

Увидев, что тот убрался, Цинь Фэнъянь сменил гнев на милость и перевел взгляд на Шань Ли. Заметив, что тот плачет в беспамятстве, а его лицо пылает неестественным румянцем, он на мгновение замер и машинально протянул руку, коснувшись щеки Шань Ли.

В этот момент полубессознательный Шань Ли, словно почувствовав что-то родное, внезапно прильнул к его руке и зарылся в объятия.

Хрупкое, гибкое тело, излучающее жар, было невероятно приятным на ощупь. Цинь Фэнъянь смотрел на изящную белую шею, и в горле у него пересохло.словно околдованный, он склонил голову...

Тонкая, изящная талия, а выше — изысканные лопатки. Каждый раз, когда человек под ним поддавался страсти, они выгибались, напоминая трепещущие крылья бабочки.

Желание Цинь Фэнъяня никогда еще не было столь сильным. Его взгляд, глубокий, как бездна, был затуманен, и в голове не осталось ничего, кроме мысли о обладании.

Мужчины — существа, живущие инстинктами.

Даже если Цинь Фэнъянь не мог поверить, что его влечет к телу дурачка, он все же поддался, словно ядовитая змея, медленно обвивающая свою добычу, чтобы постепенно поглотить её целиком.

...

На следующее утро голос Шань Ли охрип, а тело охватил жар.

Призванный на рассвете лекарь был так напуган, что сердце его едва не выпрыгнуло из груди. Он дрожащими руками измерял пульс Шань Ли, и чем дольше он это делал, тем холоднее становился пот на его лбу.

Цинь Фэнъянь с бесстрастным лицом, плотно сжав губы, спросил: Не можешь поставить диагноз?

Лекарь покачал головой, не зная, как описать состояние пациента. Помедлив, он тяжело вздохнул: Докладываю генералу, я впервые в жизни вижу подобное, поэтому...

Цинь Фэнъянь нахмурился. Прищурившись, он ледяным тоном прервал лекаря: Просто скажи, как его вылечить.

Лекарь в замешательстве отступил на шаг и поклонился: Прошу, генерал, не ставьте меня в неловкое положение. Яд в теле пациента дремлет уже как минимум семь лет. Даже если бы сам Хуа То воскрес, ему было бы трудно его исцелить, что уж говорить о таком скромном враче, как я.

Семь лет отравлен? Как это возможно!

Зрачки Цинь Фэнъяня сузились. Первой реакцией было полное неверие!

Семь лет назад Шань Ли был высокомерным и знатным наследником. Даже если бы он случайно отравился, стоило ему лишь обмолвиться, как маркиз Циньюань тут же собрал бы всех лучших лекарей страны.

Но этого не произошло.

Цинь Фэнъянь не мог найти объяснения. Глядя на Шань Ли, он внезапно вспомнил кое-что.

Семь лет назад в поместье маркиза Циньюань действительно кое-что случилось.

Для знатного наследника это событие было сущим пустяком, пылью, но для другого — мучением, заставлявшим желать смерти.

...

Той осенью Седьмой принц Государства Тяньцзэ, движимый каким-то интересом, явился в поместье маркиза Циньюань и потребовал аудиенции с наследником Шань Ли.

Шань Ли всегда был в плохих отношениях с этим никчемным распутником, но в тот раз, неизвестно почему, он отбросил свою гордыню и проявил необычайную любезность.

Наследник сидел в кресле, инкрустированном золотом и драгоценными камнями, и стоило ему лишь поманить пальцем, как слуги привели Цинь Фэнъяня, одетого в ливрею.

Цинь Фэнъянь прекрасно знал о дурных наклонностях этого наследника: тот то вымещал на нем злобу, когда был не в духе, то вызывал его, чтобы с презрением поиздеваться, словно это доставляло ему радость.

Тогда он ненавидел наследника всей душой. Ему каждую ночь снилось, как он стирает Шань Ли в порошок, чтобы утолить свою жажду мести.

Поэтому он не мог скрыть ненависти и отвращения в своих глазах.

Седьмой принц заметил его реакцию, окинул его полным злобы взглядом и сбил с ног ударом ноги: Всего лишь низкий слуга, а смеешь смотреть на господина таким взглядом? Эй, вы! Выколоть ему глаза и скормить собакам!

Седьмой принц пользовался безграничной любовью императора, поэтому никто не смел ослушаться его. Слуги маркиза тут же бросились исполнять приказ.

Но когда один из них приблизился к Цинь Фэнъяню, изящный, словно нефритовая статуэтка, наследник вмешался.

Его черные, как агат, глаза сузились от гнева, и даже в ярости он оставался неземным красавцем.

Наследник отвесил слуге пощечину, и на его губах заиграла высокомерная, презрительная усмешка: Кто позволил тебе, никчемный раб, прикасаться к нему? Или твое сердце больше не принадлежит поместью маркиза Цинъюань, а?

Слугу прошиб холодный пот. Он умоляюще посмотрел на Седьмого принца, но тот лишь с любопытством наблюдал за происходящим, словно всё это его не касалось.

Спустя мгновение Седьмой принц усмехнулся и перевел взгляд на Шань Ли: Чэнцзэ, почему ты не позволяешь выколоть глаза этому слуге? Неужели ты все еще любишь Цинь Фэнъяня?

Услышав это, Цинь Фэнъянь едва не рассмеялся.

Даже если бы нынешний император полюбил уродливого нищего, Шань Ли никогда бы не полюбил его.

— Как это возможно?

Наследник издал короткий презрительный смешок и холодно посмотрел на Цинь Фэнъяня: Просто боюсь, что если он ослепнет, то не сможет видеть унижения, которые ждут его в будущем. Какой тогда будет интерес?

Седьмой принц захлопал в ладоши: Так вот оно что, Чэнцзэ, у тебя другие планы. Тогда я со спокойной душой оставляю этого слугу тебе. Однако...

Он достал из рукава изысканный нефритовый флакон.

— Цинь Фэнъянь должен проглотить пилюлю из этого флакона.

— Что это?

Наследник нахмурился, принимая флакон.

Выражение лица Седьмого принца изменилось — он расплылся в болезненной, безумной улыбке.

— Хорошая вещица. Она заменит нас и будет отлично мучить Цинь Фэнъяня.

— Заставит его страдать так, что он будет молить о смерти. Ха-ха-ха!

...

Цинь Фэнъяня тогда насильно заставили проглотить яд. Несмотря на сопротивление, слуги без труда разжали его челюсти.

Тот яд стал для Цинь Фэнъяня кошмаром, который не отпускал его годами.

Каждый раз, когда яд начинал действовать, казалось, будто тысячи муравьев грызут его плоть и выедают кости, причиняя невыносимую боль.

Если бы не Шань Янь, Цинь Фэнъянь не смог бы выжить.

Лишь когда его возлюбленный Шань Янь нашел противоядие, Цинь Фэнъянь окончательно избавился от мучений.

В тот период наследник больше не докучал ему, словно исчез из поместья.

Лишь месяц спустя он вернулся — бледный, как полотно, и выглядевший крайне истощенным.

.....

— Генерал... генерал?

Старческий голос лекаря вернул его к реальности.

Цинь Фэнъянь с бесстрастным лицом посмотрел на него.

Лекарь вытер пот со лба: Прошу, генерал, не ставьте меня в затруднительное положение. Если

вы действительно хотите спасти пациента, отправляйтесь на гору Цюйчэньюань...

— Не нужно.

Цинь Фэнъянь прервал лекаря, в его черных глазах читалась насмешка.

Даже если Шань Ли отравлен, это лишь его собственная вина!

Если бы он тогда не сблизился с Седьмым принцем, не стал бы его сообщником, разве он бы отравился?

К тому же, он ненавидел Шань Ли слишком сильно, чтобы проявлять к нему милосердие и спасать.

Вспоминая все злодеяния Шань Ли, Цинь Фэнъянь невольно усмехнулся.

— Просто сбей ему жар. Больше ничего делать не нужно.

— Но если как можно скорее не вывести яд, боюсь, он не проживет и пары лет!

Лекарь хотел было предупредить, но внезапно почувствовал тяжесть на плече.

Это генерал Цинь Фэнъянь положил руку ему на плечо.

Лекарь вздрогнул, а затем ощутил невыносимую боль — кости вот-вот должны были хрустнуть. Он был уже стар и не хотел вмешиваться в дела молодых, поэтому тут же проглотил слова, готовые сорваться с губ.

— Я понял вас, генерал. Я ухожу, ухожу.

Цинь Фэнъянь убрал руку и беззвучно усмехнулся: Хорошо, что понял.

Спина лекаря мгновенно взмокла от холодного пота.

...

Благодаря лекарствам жар спал через два дня.

Услышав доклад слуг, Цинь Фэнъянь расслабился, но тут же снова нахмурился: Что он делает,

когда приходит в себя?

Слуга опустил голову, не решаясь заговорить: Он... он сбежал из Резиденции генерала.

Раздался хруст — кисть в руке Цинь Фэнъяня переломилась пополам. Его лицо помрачнело: Кучка отбросов! Семь-восемь человек не смогли уследить за одним дурачком?

Слуги в страхе повалились на колени, торопливо оправдываясь.

Оказалось, что Шань Ли пришел в себя как раз в то время, когда слуги отдыхали.

Полагая, что он дурак и неизвестно когда проснется, они потеряли бдительность. А через полчаса обнаружили пустую кровать.

Слуги запаниковали и бросились на поиски.

У ворот Резиденции стояла стража, так что Шань Ли не мог покинуть её, поэтому они искали внутри. Но перевернув все вверх дном, так и не нашли его!

Чуть позже одна из служанок обнаружила, что через собачью лазейку можно выбраться наружу.

Не смея поднимать шум, они выбрались за пределы поместья и нашли Шань Ли, забившегося в храм Чэнхуана.

Они пытались уговорить его, но Шань Ли был упрям и ничего не понимал. А если бы они применили силу, местные нищие не позволили бы им этого сделать.

Бессильные, они пришли к генералу.

Выслушав все, Цинь Фэнъянь посмотрел на них так холодно, что, казалось, мог превратить их в лед.

Он покинул Резиденцию и направился к храму Чэнхуана. Подойдя к Шань Ли, он остановился и холодно уставился на сжавшуюся в углу фигуру.

— Назад!

Приказал он низким голосом.

Шань Ли, забившийся в угол, выглядел как перепуганная птица. Его лицо стало белее мела, он смотрел на Цинь Фэнъяня с таким ужасом, словно тот был злым духом.

Цинь Фэнъяня это только больше разозлило.

Он не мог вынести этого испуганного, настороженного взгляда.

Разве Шань Ли не говорил, что любит его? Это и есть та самая любовь?

Он резко наклонился, крепко схватил его за руки и силой поднял: Пошли со мной!

На глазах Шань Ли выступили слезы. Он вцепился в каменный столб и отчаянно затряс головой: Злой... ты злой!

Зрачки Цинь Фэнъяня сузились, в глазах бушевал шторм: Повтори еще раз?

Шань Ли, ошеломленный этим взглядом, лишь глупо и заторможенно смотрел на него.

Не терпя возражений, Цинь Фэнъянь закинул его на плечо, принес в свою комнату и холодно бросил на кровать.

Увидев, что Шань Ли снова пытается сбежать, Цинь Фэнъянь пришел в еще большую ярость.

Он схватил его за подбородок, заставляя смотреть на себя.

Эти черно-белые глаза, полные невинности, почему-то заставили Цинь Фэнъяня вспомнить ту недавнюю ночь...

У Цинь Фэнъяня перехватило дыхание. Гнев в его глазах сменился пламенем желания. Одной рукой он перехватил запястья Шань Ли и, не давая сопротивляться, прижал их к изголовью кровати.

В ту ночь Шань Ли был в сознании. Ощущения были слишком странными, он не понимал, приятно это или нет, но инстинктивно сопротивлялся происходящему.

Он всхлипывал и отчаянно брыкался.

Однако для Цинь Фэнъяня его сила была ничтожна. Напротив, это лишь подстегнуло его.

Цинь Фэнъянь раздраженно посмотрел на него и, больше не сдерживаясь, продолжил начатое.

...

После всего.

Цинь Фэнъянь привел в порядок одежду. Взглянув на Шань Ли, его суровое лицо смягчилось, а чувства стали невероятно сложными.

Разум твердил, что Шань Ли — его враг, и он не должен поддерживать такие отношения.

Но душа почему-то не хотела их разрывать.

Эти противоречивые мысли приводили Цинь Фэнъяня в бешенство. Больше не в силах оставаться здесь, он вернулся в кабинет и, подумав немного, вызвал Военного советника.

Увидев, как нахмурился генерал, советник понял, что тот столкнулся с чем-то неприятным. Он напрягся, решив, что кто-то во дворце снова затевает недоброе, и нервно спросил: Генерал, есть какое-то важное поручение?

Цинь Фэнъянь бесстрастно кивнул: Да, важное.

Восстание? Захват власти? Или поход на дворец?

Советник почувствовал прилив волнения и предвкушения, но тут услышал: Умеешь успокаивать детей?

Советник остолбенел: А?

— Шань Ли в последнее время чем-то недоволен, сходи, утешь его. — Цинь Фэнъянь помолчал и добавил с угрозой в голосе: Ты знаешь, что говорить, а что нет.

Что он знает?! Да ничего он не знает!

А как же великие дела? Генерал, оказывается, вы мучаетесь из-за такой ерунды!

Советнику было горько, но он лишь криво усмехнулся, согласился и вышел.

На самом деле он часто не понимал генерала: тот считал Шань Ли врагом, но порой заботился о нем больше всех.

Если сказать, что он любит Шань Ли, то это не совсем так — ненависть в глазах генерала,

когда он говорил о нем, не была притворной.

Советник вздохнул и толкнул дверь. В нос ударил аромат сандала. Он был уже не в том возрасте, чтобы не понимать подобных вещей, и, догадавшись, что здесь происходило, покраснел от неловкости.

Пока советник колебался, не уйти ли ему, Шань Ли пришел в себя. Его личико было бледным, глаза-бусинки беспокойно бегали. Он инстинктивно попытался сбежать, но стоило ему приподняться, как тупая боль и слабость заставили его снова рухнуть на кровать.

Советник кашлянул и постарался придать голосу как можно больше мягкости: Шань Ли, ты помнишь меня? Я подчиненный Цинь Фэнъяня, я...

Услышав имя Цинь Фэнъяня, Шань Ли тут же зарылся в одеяло, показывая, что не желает с ним разговаривать.

Советник: ...

Утешать детей — это действительно сложно.

<http://bllate.org/book/21501/2203390>